

ОТЗЫВ

официального оппонента
о диссертационной работе Чжан Юаньюань
на тему «Национальное начало в творчестве В. Перелешина»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических
наук по специальности
5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Диссертация Чжан Юаньюань посвящена изучению творчества В. Перелешина — известного поэта и переводчика русского зарубежья, творчество которого связано с тремя странами, — Россией, Китаем и Бразилией. Поэтому постановка в работе проблемы взаимодействия национальных особенностей и традиций, воспринятых в этих странах, представляется вполне оправданной.

Сразу следует отметить сложность замысла и задачи, которые преследует автор: исследовать «национальное начало» в творчестве В.Ф.Перелешина в диалектическом единстве его образных отражений, возникших как на почве ментальных воспоминаний о России, так и в этнокультурном пространстве Китая и Бразилии. По утверждению Юаньюань, «творчество В.Перелешина свидетельствует о непрерывных исканиях поэтом собственной идентичности, что отражается на его восприятии трёх разных культур, с которыми ему пришлось соприкоснуться. Поэт воспроизводит образы трёх стран через призму их культуры, выражающие разные варианты воплощения национального начала» (дисс., с.8). Следовательно, поэзию В.Ф.Перелешина питали три культуры, особенности восприятия которых исследуются во II-й и III-ей главах с преимущественным вниманием к произведениям, созданным на основе китайской культурной и поэтической традиции.

Стремление автора диссертации раскрыть преломления лирического героя В.Ф.Перелешина в масштабах русских, китайских и бразильских

культурно-поэтических проекций **следует признать новым, трудоемким и перспективным шагом**, который может существенно расширить наше представление о духовно-эстетических исканиях дальневосточной литературной эмиграции и позволит постичь масштаб и степень творческого освоения инокультурного контекста. **Новизна** присутствует и в части исследования связей поэтики В.Ф. Перелешина с национальной китайской культурой.

Не вызывает возражения и **актуальность диссертации**, ибо предпринятое исследование действительно позволяет «<...>лучше понять особенности русского менталитета и раскрыть специфику диалога, который Россия на протяжении рассматриваемого периода вела как с Европой, так и Азией» (дисс., с.4).

Справедливости ради следует сказать, что немалую помощь Юаньюань оказывает сам В.Ф.Перелешин, когда поэтически раскрывает свое восприятие исследуемых национальных традиций. В стихотворении с симптоматичным заглавием «Изгой», поэт недвусмысленно указывает нам на глубоко личный и драматический характер лирического переживания Родины, называя ее «родником, не слившимся» «с небывалым разливом» своей жизни. Как бы там ни было, но В.Ф.Перелешин отделяет «запретный шепоток» России и вопреки соискателю, считающему, что «образ России» у поэта «нередко оказывался несколько абстрактным, лишённым жизненности» (дисс. с. 8), интуитивно делает его конкретным и зримым, состоящим из незнакомых, но ментально памятных ему ледохода, поющего в саду соловья, «жимолости, рябины, лебеды». Эти предметы сами по себе не несут лирического содержания и в известном смысле даже банальны. Но в поэтическом целом стихотворения объединены щемяще переживаемым чувством Родины и, благодаря этому чувству, обретают, как представляется, зримую и едва ли телесную выразительность. Можно привести и другие примеры пронзительной образной конкретики, как, например, в приводимом Юаньюань стихотворении «Галлиополийцы», где разрезанная границей

русская душа «плачет кровью вместо слез» и «слезы вытирает армейским грязным рукавом». В «Изгое», как и в стихотворении «Три родины», которое приводится во второй главе, поэт дает ключ к пониманию его лирического восприятия национальных начал, и Юаньюань, судя по логике оглавления и исследования «трех родин» В.Ф.Перелешина, этим ключом умело воспользовалась.

Лирический герой В.Ф.Перелешина постигает Россию национально-личностным чувством, Китай и Бразилию – культурным и поэтическим, от «глубин своего» к «глубинам чужого». Собственно, об этом процессе соискатель пишет в первой главе диссертации, акцентируя внимание на «анализе эмигрантского бытия» в литературе «дальневосточников» и необходимости для них органического творческого контакта с культурой и, конкретно, литературой принявшей их страны. И помимо означенной необходимости выживания в иной культурной среде, Юаньюань приводит нас к мысли о еще одном важном свойстве русского литературно-художественного сознания – о «всемирной отзывчивости» (Ф.М.Достоевский) и «встречном течении» (А.Н.Веселовский), которые приносят новое качество в рецепцию инокультурных традиций. А именно, открытость и бескорыстную, органическую восприимчивость, благодаря которым культурный и литературный синтез оказывается не столько вынужденным, сколько обогащающим литературное творчество писателей-«дальневосточников». Возможно, именно это обстоятельство имеет в виду соискатель, когда, характеризуя сходства литературы русского зарубежья в Европе и Азии, пишет о неподдельном интересе к Востоку и Китаю с его уникальной историей, природой и культурой. И выделяет В. Перелешина, который, по ее мнению, «на протяжении своей жизни переходил от поверхностного интереса к культуре страны, принявшей русских эмигрантов, к использованию в своём творчестве некоторых принципов поэтики китайской литературы» (дисс., с.17,18,19,20). В этой связи хотелось бы поинтересоваться у автора диссертации о евразийских увлечениях

В.Ф.Перелешина и его дальневосточных коллег. Если эти увлечения были, то насколько глубоко они разнились с творческим вниманием к Китаю у европейских писателей-эмигрантов? В творчестве последних, по мнению Юаньюань, ««китайские» детали оказывались «подсобными», поверхностными»». Однако, если вспомнить рассказ М.Цветаевой «Китаец», где с преимущественным вниманием к «китайским деталям», создан великолепный литературный миф о полифоническом единстве русского и китайского начал, то с этим утверждением непросто согласиться.

В первой главе диссертации «**Творчество В. Перелешина в историко-культурном контексте**» Юаньюань предлагает подробную и, с нашей точки зрения весьма полезную для будущих исследователей, хронологию изучения творчества В.Ф.Перелешина, формулирует актуальные задачи в изучении русского зарубежья. Эта часть исследования свидетельствует о широком охвате культурно-исторического материала и глубоком погружении в тему. По достоинству необходимо оценить 2-й параграф, где, пусть несколько реферативно, проделана значительная работа по сбору и обобщению литературоведческого освоения творчества поэта.

Несомненной ценностью и перспективностью обладают наблюдения соискателя над исключительной ролью В.Ф.Перелешина в углублении русско-китайского культурного взаимодействия и придания ему нового качества. Тот факт, что он «активно» и с любовью интегрировал в свою поэзию китайскую философию и классику, «в глубине души был сильно озабочен судьбой раздираемого войной Китая» и, одновременно, деликатно «старался не высказываться по поводу актуальных проблем общества», объясняется, возможно, не только «особенностями самосознания и самоидентификации эмигрантов», но может свидетельствовать о чуткости души поэта и интеллигентности культурных помыслов. Знаменательна мысль Юаньюань о том, что Китай для В.Ф.Перелешина стал почвой, на которой происходила «эволюция его лирики, сопровождавшаяся процессом интеллектуального и философского «вызревания» поэта <...> от

поверхностного интереса к «экзотической» культуре» до «глубокой и истинной любви» к ней (дисс., с.63). Диссертант вольно или невольно убеждает нас в том, что творчество В.Ф.Перелешина китайского периода – это и есть один из образцов фактической и подлинной реализации проблемы «свой/чужой», о которой более чем столетие, от А.Н.Веселовского до М.М.Бахтина размышляли философская эстетика и литературоведение.

Но, пожалуй, наиболее выразительной характеристикой, которую Юаньюань дает «китайской» поэзии В.Ф.Перелешина является ее сравнение с «прекрасным цветком, издававшим лёгкий, почти незаметный аромат» (дисс., с.70). Если китайский исследователь, изучая русского стихотворца, сам становится поэтом, то значение его стихов для китайских поклонников русской словесности уже не вызывает сомнений.

Во второй главе **«“Три родины” в жизни и творчестве В. Перелешина»** Юаньюань исследует национальные традиции в образах России, Китая и Бразилии. Вначале она приводит концептуально важное стихотворение «Три родины», где главным для эмигранта Перелешина, является мотив изгнанничества, лирическое переживание которого определяет образное восприятие трех национальных начал. К сожалению, эту особенность в стихотворении соискатель не комментирует, хотя психологическое состояние «забитости», в котором ощущает себя лирический герой, предполагает вполне определенный фокус восприятия окружающих его национальных условий и обстоятельств. Чуть позже Юаньюань подробно раскроет мотив изгнанничества в творчестве поэта, но только на биографическом материале.

Восприятие национальных традиций России, Китая и Бразилии Юаньюань скрупулезно исследует в каждом случае отдельно, небезосновательно полагая, что «отношение В. Перелешина к его «трём родинам» на разных этапах творчества существенно различалось и носило полифонический характер» (дисс., с 72). Все это так, и диссертант стремится подробно мотивировать этот «полифонизм» биографическими и личными

обстоятельствами жизни поэта. Юаньюань удаётся приблизить нас к пониманию «изнанки» жизни эмигранта и непростых культурно-бытовых и психологических состояний, которые существенно влияли на поведение и творчество поэта. «Несмотря на удовлетворительные условия жизни в первые годы эмиграции, с первого дня пребывания в Китае они ощущали себя на периферии культурного развития. <...> Писателям приходилось постоянно опасаться цензуры, уклоняться от постановки социально-политической проблематики и одновременно стремиться к сохранению национальной идентичности <...> (дисс., с.76). Драматизм этих и последующих жизненных обстоятельств, переживаний, переездов и скитаний В.Ф.Перелешина передан диссертантом живо, убедительно, что, безусловно, служит весомым обоснованием психологической смены настроений и, как следствие, «полифонической» многоликости поэта.

В то же время, Юаньюань сетует на то, что В.Ф.Перелешин, вопреки гуманистической традиции русской литературы «понять душу народа и передать читателю сочувствие к его тяжёлой судьбе», а также убеждению самого диссертанта в том, что «народность» русской литературы – это ценное достояние культуры всего человечества, – в том числе и культуры Китая», оказался не восприимчив к «внешней реальности, окружавшей поэта (японская оккупация Китая), и «сочувствие к страдающим людям, к сожалению, во многом оказывались закрытыми для его внутреннего мира» (дисс., с.80). И далее, после неоднократной констатации присущих поэту состраданию и любви к Китаю: <...> «озаботился судьбой раздираемой войной страны, увидел бедность страдающего китайского народа» (дисс., с.85), Юаньюань, анализируя стихотворение «Китай», выражает сомнение в способности В.Ф.Перелешина «<...> в полной мере раскрывать свою душу и в полной мере полюбить Китай – бедный, тёмный и глубоко страдающий. Поэтому вывод о любви В. Перелешина к Китаю, к которому пришли многие китайские и зарубежные исследователи, с нашей точки зрения, представляется достаточно спорным» (дисс., с.97).

Отдадим должное стремлению соискателя к самостоятельным оценкам и независимости суждений. Желание спорить и высказывать свою точку зрения можно только приветствовать. Но не слишком ли большое значение в оценке творчества поэта уделяется биографическим интерпретациям? Биографический автор, чтобы мы не находили в его фактической жизни, не равен и не тождествен лирическому герою. Первый «сотворяет» второго, внося в него не свою жизнь, а идеальные интуиции изображаемого. Биографические «скелеты в шкафу» вовсе не мешают поэту сообщать свое идеальное чувство любви и красоты предмету изображения и органично совпадать с ним, отражая в стихах свое искреннее эстетическое восхищение и почтительность. Думается, что не биография, а поэзия В.Ф.Перелешина привела исследователей к выводу о глубокой и искренней любви поэта к Китаю. И более того, непосредственно и органично воспринять, освоить и выразить его природные, культурно-поэтические и эстетические сокровища. Использование В.Ф.Перелешиним «образа китайского «горбатого» моста», которое прекрасно показала Юаньюань, и проницательный анализ последующих стихотворений служит, как нам представляется, тому ярким подтверждением.

В третьей главе диссертации **«Китайское начало в творчестве В. Перелешина»**, где рассматриваются многообразные связи произведений писателя с китайской культурой, Юаньюань еще раз убеждает нас в поэтической чуткости В.Ф.Перелешина и мастерстве использования китайской философско-поэтической символики. Вполне обоснованными следует считать выводы диссертанта об обращении к философским идеям китайского буддизма, в свое время отразившимся в философии Вл.С.Соловьева, к композиционным принципам традиционной «китайской поэтики», о использовании других характерных для китайской словесности образов, мотивов и способов организации художественного мира, которые обогатили творчество писателя китайского периода эмиграции. В случае со стихотворением В.Ф.Перелешина «Картина», которое в качестве примера

предлагает Юаньюань, необходимо, на наш взгляд, помнить, что это живописный экфрасис. И, значит, это не следование китайскому образцу, а его *изображение*, с определенными философско-эстетическими целями, которые и определяют обращение к тем или иным приемам.

Юаньюань не только справедливо констатирует наличие «китайских элементов» в творчестве В. Перелешина, но и старается раскрыть многоаспектные связи между ними, выясняет способы их реализации в рамках российских литературных традиций. Интересным является анализ весьма почтенного в мировой культуре образа сада, который в соответствии с ее и китайской традициями интерпретируется как «праобраз страны» и как символическое метафорическое пространство мыслей и чувств человека.

Отметим некоторую неточность: утверждение автора работы о том, что «художественный образ в поэтическом искусстве по сути выражает объективное бытие, соединенное с субъективными чувствами автора» нуждается в переосмыслении, поскольку образ, если он художественный, уже субъективен, ибо является авторской проекцией объективной действительности. «Субъективные чувства автора» как нам представляется, являются основой для возникновения эстетического акта (по М.М.Бахтину – «события»), архитектоники и стиля произведения.

К безусловным достоинствам работы следует отнести четкие и лаконичные выводы, сопровождающие каждую главу и всю диссертацию в целом.

На наш взгляд, Юаньюань проделала большую и продуктивную работу, содержание и результаты которой можно считать еще одним шагом к пониманию сложнейшей диалектики культурных и литературно-художественных взаимосвязей и взаимодействий двух великих и, и что особенно важно, соседних цивилизаций. Творчество В.Ф.Перелешин, значительный поэтический результат этого великого синтеза великих культур получило в диссертации нашего китайского исследователя новое освещение.

Замечания:

1. Для раскрытия темы диссертации материалы творческой биографии обязательны, но в преобладающем количестве они подменяют собой аналитическую часть и не всегда дают точное объяснение эстетической позиции лирического героя и поэтики. Биографический автор и лирический герой автор не должны отождествляться.

2. Реферативности ряда страниц с перечислением литературно-биографических фактов можно было бы избежать, заменив и наполнив их *поэтическими* свидетельствами об эволюции лирического героя В.Ф.Перелешина, в китайский период эмиграции.

3. Тот факт, что В.Ф.Пелешин покинул Россию в отроческом возрасте, не является достаточным основанием для «лишения» его стихов о России «конкретности и содержательной углубленности», а сам образ России считать «условным, неясным и однотонным». Напротив, стихи поэта-изгнанника» наполнены живой эмоциональностью и конкретной предметной изобразительностью. Ностальгия в его творчестве, как и у многих писателей-эмигрантов, отнюдь не всегда отдаляет предмет воспоминаний, но может притягивать его и в лирическом переживании превращать в яркую и живую картину.

4. Вывод о том, что «поэт поставил перед собой главную цель жизни – внутреннее изыскание самого себя» представляется не вполне продуманным, абстрактным и нуждается в пояснении. Если в данном случае речь идет о самопознании, то его, по-видимому, следует рассматривать в рамках русской и китайской философских традициях. Если же это творческое самоопределение в обстоятельствах эмиграции, то эту тему в диссертации можно считать достаточно освещенной.

Предложенные соискателю вопросы и замечания не снижают общего благоприятного впечатления от диссертации и носят только уточняющий характер.

Диссертация Чжан Юаньюань обладает историко-литературной ценностью: раскрываются некоторые особенности литературного процесса русского дальневосточного зарубежья, а также совершенствуется методика анализа литературного процесса и отдельных художественных произведений.

Достоверность выводов диссертации обеспечена системным подходом к анализу художественных произведений В. Перелешина и адекватностью использованных литературоведческих методов исследования историко-литературного процесса.

Положения, выносимые на защиту, сформулированы в работе достаточно чётко и дают полное представление о содержании исследования. В целом диссертация Чжан Юаньюань «Национальное начало в творчестве В. Перелешина» является самостоятельным, завершённым научным трудом, имеющим как теоретическое, так и практическое значение. Опубликованные по теме диссертации статьи достаточно полно отражают основные положения и материалы исследования.

Материалы и выводы рецензируемой диссертационной работы могут быть использованы в исследованиях, посвящённых истории русской литературы XX в., литературе русского «восточного» зарубежья и конкретно творчеству В. Перелешина, а также в вузовском преподавании курсов «История русской литературы».

Автореферат диссертации точно излагает концепцию автора. Содержание работы достаточно полно отражено в 14 публикациях (в том числе в 3 статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК). Список литературы содержит 194 наименования. Общий объём диссертации (без Списка литературы) составляет 198 страниц.

Содержание диссертации полностью соответствует паспорту специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 9–11 и 13–14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации

№ 842 24.09.2013 г., в редакции от 28.08.2017 г., предъявляемым к кандидатским диссертациям, а её автор, Чжан Юаньюань, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации».

Доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы XX–
XXI вв. Института филологии ФГБОУ ВО
«Московский педагогический государственный
университет»

Дефье Олег Викторович

20.03.2023 г.

Адрес места работы: 119991, Москва, улица Малая Пироговская, дом 1,
строение 1, ауд. 306.

Телефон рабочий: +7 (499) 246-57-12

E-mail: omkompgu@yandex.ru

E-mail места работы: ruslit20@mpgu.su

Web-сайт места работы: <http://mpgu.su/>

